

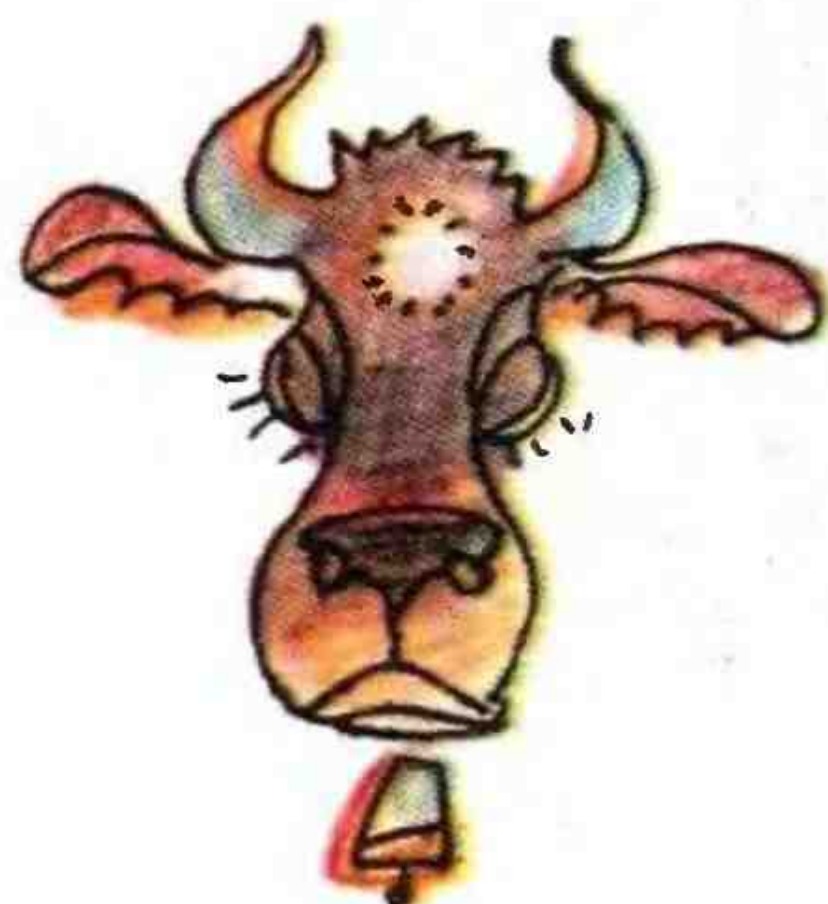
Ирина Покмакова

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ

Летний ливень лужи налил —
Целые моря!
Дача встала у причала,
Бросив якоря.
Только мой корабль отважный
Борется с волной.
И неважно, что бумажный
Парус надо мной.

издательство
«Детская литература»

РОСТИК И КЕША

Глава I

ПРИШЕЛ КЕША

Наконец Ростика оставили в покое. Теперь он сидел на крылечке изоляторного домика и больше не кашлял. Елизавета Елизаровна, сказав: «Нет, это не пертуссис», удалилась в свой кабинет. «Пертуссис» — на докторском языке обозначает коклюш.

Ростик обрадовался. Выходит, никакой у него не коклюш. Славно!

— Славно, — подтвердила весёлая берёзка, которая росла рядом с крылечком. Так, во всяком случае, показалось Ростику.

Куст орешника молча кивнул, но не потому, что хотел принять участие в разговоре, а потому, что как раз в этот момент, раздвигая ветки, из куста выбиралась собака. Она остановилась перед Ростиком, шумно подышала, свесив язык, и спросила:

— Ты кто?

— Ростик, — ответил Ростик.

Собака осторожно приблизилась, понюхала Ростикову коленку.

— А я — Кеша, — сказала она. — Я тебя не боюсь?

— Нет, — сказал Ростик. — С чего бы это?

Собака вильнула хвостом, завернув его колёсиком.

— Ты не бросаешь в собак камнями?

— Да ты что?

— А палки не бросаешь?

— И палки не бросаю.

Кеша опять вильнул хвостом-колёсиком.

— Ты мне помоги, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Ростик. — А как?

— Надо поговорить с Глебом.

— Кто это — Глеб?

— Самый хороший человек на свете. Он взял меня к себе вчера на всю жизнь. И назвал Кешей. Правда, хорошее имя?

— Да. А как тебя раньше звали?

— Звали... — сказал Кеша грустно, — Тузиком звали.

А потом — Развелитутсобак.

— Не может быть, такого имени нет.

— Вот и я думаю, не должно быть.

— А почему ты убежал от Глеба?

— Я убежал?! Я не убегал. Меня выгнали!

— Глеб?

— Да почему Глеб? Дедушка выгнал. Бросил в меня камень, а потом палку, а потом... ботинок.

— За что же?

— Он сказал... Как это он сказал? В общем, нехорошее сказал. Глисты.

— Да уж. — Ростик даже смутился. — Ну и что же теперь?

— Я вот тебя прошу: помоги мне.

— Что же нужно сделать?

— Не знаю... — Кеша помолчал, опустив голову. Потом поглядел на Ростика. — Пойдём со мной. Ты Глеба позовёшь. Он ведь ждёт, а дедушка меня даже к калитке не подпустит.

— Я не могу, — огорчился Ростик.

— Почему?

— Я ведь не один живу. Я в детском саду. На даче.

— А почему ты сидишь здесь один?

— Потому что тут изолятор.

— Я не знаю такого слова, — вздохнул Кеша.

— Изолятор? Ну, в общем, больных сюда отделяют от здоровых.

— Ты больной?

— Нет. Я рисину вдохнул, из рисовой каши. Закашлялся. А они подумали — заболел. А потом передумали.

— Чего же тогда оставили тебя здесь?

— Так... на три дня. На всякий случай.

— Ну вот, — сказал Кеша. — Со мной ведь и случился случай.

Кеша подошёл к Ростикку и положил ему голову на колени. Ростик эту голову погладил. Одно ухо у Кеши было рыжее, и кончик хвоста тоже рыжий. И на белом боку рыжее пятно. Глаза у Кеши были большие, тёмные и невесёлые. Видно, Кеше в жизни несладко досталось.

— Понимаешь, — сказал Ростик, — если я уйду, меня будут искать и беспокоиться.

— А если попросить, чтоб отпустили?

— Шутишь, — сказал Ростик. — Меня ни за что не отпустят.

Колёсико Кешиного хвоста развилося и повисло прутиком.

— Ничего не поделаешь, — сказал он и зевнул долгим, нервным зевком. — Я так долго был ничьей собакой, я думал...

Кеша не успел договорить.

— Пошли! — перебил его Ростик.

— С ума сошёл! — всплеснула веткой берёза.

— Я не больной, — решительно сказал Ростик. — Я просто вдохнул рисину и закашлялся. Значит, мне можно ходить. Мария Васильевна ушла с ребятами за ромашками. Обед ещё не скоро. Пошли, Кеша, ну что ты стоишь!

Кеша сорвался с места, нырнул в ореховый куст, распугал солнечных зайчиков.

Они с Ростиком выбежали на тропинку, которая спускалась вниз по кособоку. На кособоку толпились сосны. Они не по-доброму шумели. То одна, то другая выскакивала на тропинку, стараясь преградить Ростикку путь.

Спуск кончился. Ростик и Кеша выбежали на полянку и пошли шагом. Тропинка перестала петлять и двинулась через луг — ровная и прямая. Ростик огляделся. Высоко над

лугом летала какая-то большая птица, подолгу плавала в воздухе, раскинув крылья. Луг уходил далеко, там вдалеке сливался с небом. Нигде не было видно жилья, только трава, трава — ярко-зелёная, густая и блестящая.

— Кеша, — спросил Ростик, — где живёт Глеб?

— Там, — ответил Кеша, — где дома. За большой водой.

— За рекой?

— Да, наверно, за рекой.

Кеша бежал впереди, как бы указывая дорогу.

Ростик вдруг остановился, Кеша тоже остановился.

— Кеша, — сказал Ростик, — почему тебя раньше звали Тузиком?

Кеша тут же развернул своё колёсико и свесил его прутом.

— Так было, — сказал он нехотя. — В щенячестве.

— Где?

— Не «где». В щенячестве. Ну, как это называется? В детстве.

— Что было?

— Хозяева были, одни там. Люди. Они и назвали меня Тузиком.

— А их как звали?

— Никак не звали. Это хороших хозяев зовут как-нибудь. А плохие — просто хозяева.

— Что ты у них делал?

— Стерёг сад. Сперва вишни. Потом яблони.— Кеша сказал это точно через силу, и Ростик подумал, что эти люди, наверно, очень обидели Кешу.— На цепь посадили,— продолжал Кеша.— А зачем?

— На цепь?

— На цепь. И потом уехали. Яблоки забрали. Мешки. Варенье. Банки. А меня оставили.

— На цепи?

— На цепи.

— Что же с тобой было дальше?

— Оборвал цепь. Сначала думал — приедут. Ждал. А потом сорвался. Ну ладно, пойдём скорее, что мы стоим?

Кеша заторопился.

Ростик тоже прибавил шагу и вскоре издали увидел реку. Река широкая, вода в ней спокойная, гладкая; берег тоже широкий, белый, чистый песок, на песке редкие, низкие кустики.

Мимо быстро прострекотала моторная лодка.

Ветер принёс запах бензина. Потом ветер ещё раз слетал к реке и вернулся с запахом водорослей и свежей речной воды.

Глава II

РАЗНЫЕ ЛЮДИ НА ПАРОМЕ

Паром, построенный из досок и брёвен, плоский, похожий на большой плот, отвалил от берега. Вода зачмокала у его бортов. Паромщик покрутил колесо, приделанное к борту, потом ушёл в маленькую дощатую будочку, у которой не было двери, а на стене снаружи был приклеен плакат: «По чаще проветривайте помещение». Один конец плаката отклеился, его трепал свежий речной ветерок.

Ростик и Кеша пристроились за большими мешками, набитыми чем-то твёрдым. Паром скользил по воде медленно и спокойно, слегка покачивался.

— Ты не испугаешься дедушки? — спросил Кеша у Ростика.

— Нет, не испугаюсь, — ответил Ростик, правда не совсем уверенно. Конечно, он боялся чужого, незнакомого дедушки. Но ведь надо же помочь Кеше!

— Он, наверно, не будет бросать в тебя ботинком, — размышлял Кеша. — Это ведь в собак бросают ботинки.

— Ну не все же бросают, — успокоил его Ростик. — Только злые люди бросают. А Глеб тут, на даче?

— Он у дедушки. Летом — у дедушки.

— А всегда где?

— Всегда — это когда холодно?

— Ну да. Зимой, осенью...

— Он живёт с мамой в городе.

— Ну, значит, он тут, на даче, — сказал Ростик.

Берег понемногу отбежал назад. На мостках какой-то босоногий парень длинной удочкой вытащил маленькую рыбку. Белые утки подплыли к прибрежной осоке, громкими голосами сообщили ей, видимо, важные новости и уплыли.

Вода хлюпала под плоским днищем парома, спрашивала: «Ладно ли так, ладно ли так?»

Солнце усыпало речку весёлыми бликами. С того берега тянет приятным смоляным дымком. Небо ясное — ни облачка. Не будет ни туч, ни дождя, ни грозы. Ростик прислонился к мешку, зажмурил глаза, улыбнулся. Как хорошо на реке!

— Это чтой-то такое тут? — вдруг рявкнул мешок, и Ростик вздрогнул. Из-за мешка выдвинулась какая-то незнакомая тётка.

Ростик посмотрел на неё испуганно.

— Чья собака? Развели тут собак!

Кеша опустил хвост.

— Дитё от ей болячками забросает!

Ростик оглянулся. Где у этой тётки «дитё»? Рядом стояли только два её мешка, как два огромных шкафа в химчистке на углу Ростикова дома.

— Чья собака?

— Это моя собака, — сказал Ростик.

— Глядите-ка! Её собака! А если она тут всех угрызёт?

— Как это «угрызёт»? Почему?

— Я не люблю кусаться,— сказал Кеша.

— Ишь, лает! — Тётя отскочила в сторону, стукнувшись о свой же набитый мешок; Ростик понял, что она не разбирает Кешкиных слов.

— Он не кусает людей,— сказал Ростик.

— Как это не кусает? Собака есть собака. Ты знаешь, что у ей на уме?

«У неё»,— поправил про себя Ростик, но ничего не сказал, а только взглянул исподлобья.

— Вы, гражданочка, не кричите, оно так некрасиво,— сказал кто-то из-за мешка, а вслед за словами возник невысокий старичок. Он был в белых брюках и немножко прихрамывал.

— Чего?! — Тётя тут же кинулась на старичка.

— А вот чего,— сказал старичок.— Понимать надо. Дитёнок об собаке позаботится, после — ещё о ком. А потом о товарище, с которым вместе в бой придётся идти. А вы всё хотите, чтоб дерево без корня да без комля было.

— Понёс,— сказала тётя презрительно.

На шум из будки вышел паромщик.

— Собаки подлежат провозу в намордниках,— сказал он, не вникая в суть спора.— Где намордник?

Сердце у Ростика неприятно застучало.

Старичок сказал:

— Да ведь он, собака-пёс, смирнохонько стоит.

— Я никого не трону,— сказал Кеша.

— Лаять воспрещается,— сказал паромщик.— Собаки подлежат провозу в намордниках. Согласно инструкции. Да.

— Да ведь не посерёд же реки гнать его будешь! — возмутился старичок.

— Инструкцию нарушать, хоть и посерёд реки, не веле-но,— строго заметил паромщик.

— Ростик,— сказал Кеша,— я поплыву. Ничего.

Кеша подлез под перила, прыгнул мордочкой вперёд, вынырнул, мотнул головой и поплыл, мелко-мелко перебирая лапами, пытаясь плыть рядом с паромом, но всё-таки слегка отставая.

Кеша не сводил глаз с Ростика, а Ростик стоял возле перил. Он сощурился и молчал; у него свело челюсти. Старичок подошёл к нему и погладил по голове.

— Ты, цыплачок, то и сё, не расстраивайся. Гляди, как плавёт! Ишь ты, собака-пёс! Умная. Всё понимает. Бессловесный только. Сказать не может.

«Может!» — хотел было возразить Ростик. Но промолчал. Доплыть бы до того берега! Вот он уже хорошо виден. У того берега тоже пристань, и растёт осока, и плавают утки. Такие же белые. Доплыть бы и найти Глеба, и чтоб у Кеша наконец настала хорошая жизнь.

Паром причалил. Ростик неуверенно сошёл на землю. Он на мгновение потерял Кешу из виду и очень испугался. Ростик вдруг показалось, что он заболевает и что у него поднимается температура.

Но вот он увидел Кешу. Кеша быстро приближался к берегу, ровно перебирая лапами, и изредка лакал речную воду. Потом он коснулся лапами дна и пошёл в воде. Выбрался на берег, передёрнул шкуркой, отряхнулся.

Ростик погладил мокрую собачью шерсть. Кеша вильнул хвостом и улыбнулся.

У берега лежали две большие лодки кверху чёрными просмолёнными спинами. Белый козлёнок с маленькими бубенчиками под подбородком щипал траву.

Берег поднимался отлого. К посёлку от реки вела разъезженная песчаная дорога. У дороги рос старый тополь-осокорь, недалеко от него стояла купа бузиновых кустов. Листья и ягоды у бузины поседели от дорожной пыли, которую тучами поднимали машины и телеги.

Ростик и Кеша двинулись вверх по дороге. Кешина густая шерсть быстро высохла на солнышке, мокрые слипшиеся лохмы расправлялись.

— Нам далеко идти? — спросил Ростик.

— Близко, — сказал Кеша, радуясь скорой встрече с Глебом.

Глава III

РОСТИК БЕЗ КЕШИ

Идти по улице посёлка было весело. Сирени-то, сирени! В городе такого не увидишь. Белая, лиловая, розовая, простая, махровая, она залила все сады и палисадники. Гроздья сирени горделиво покачивались на ветру:

— Полюбуйтесь-ка нами! Мы красивые, мы махровые, мы персидские!..

А из-за другого забора поднимались ветки, усыпанные белыми цветами:

— А мы белые, изящные, светлые, прозрачные, душистые...

Возле каждой калитки стояли маленькие лавочки. Ростик на такой лавочке очень хотелось тихо посидеть, поглядеть в небо и немножко поболтать ногами. Только некогда, потому что Кеша торопится. Обгонит Ростика, а потом оглянется:

— Идёшь?

«Какой умный, какой симпатичный пёс Кеша, — думал Ростик. — Вот сейчас придём к этому самому деду, позовём Глеба... — Но тут какая-то нерадостная мысль шевельнулась у Ростика: — А хорошо бы ты, Кеша, был моей собакой! — Этого Ростик не сказал и даже не подумал — это у него так почувствовалось внутри. — Одно ухо рыжее, и хвостик рыжий, и рыжее пятно на белом боку... Интересно, что за человек этот Глеб?»

— Глеб хороший, — сказал Кеша, точно угадав его сомнения.

Ростик ничего не возразил, молча перепрыгнул через канаву. Теперь они шли по узенькой улочке. Тротуаров на этой улочке не было.

Ростик и Кеша шагали посредине улицы по тёплой и мягкой, мелко размолотой пыли, оставляя в ней аккуратные следы.

Вдруг из-за угла вывернула рыжая корова. Следом за ней посыпались овцы, потом пошли ещё коровы, коровы, коровы... Они заполнили улочку, шли, задевая заборы палисадников раздутыми боками, и от этого возникали какие-то шершавые звуки. Слышались выстрелы пастушьего кнута, окрики, мычание, блеяние.

Проходившая мимо Ростика чёрная корова с белой отметиной на лбу остановилась, уставилась на него, нагнула голову и нацелилась своим единственным рогом. Второй был у неё обломан, и от этого она казалась Ростикю особенно грозной. Он забрался на лавочку, стоял неподвижно, держась за штакетник и не сводя глаз с чёрной коровы. Но она только мотнула головой и, повернувшись, пошла вслед за остальными.

Постепенно коровий поток стал редеть. Шествие замыкал пастух, который больше не стрелял кнутом, а просто перекинул его через плечо. Кнут волочился за ним в пыли, как длинный тонкий хвост. Ростик слез на землю.

Дорога была совершенно испорчена, изрыта следами копыт и зашлёпана коровьими лепёшками. У противоположного забора качалась обломанная ветка сирени.

А Кеша где? Кеша нигде не было! Ростик позвал. Кеша не откликнулся.

— Кеша! Кеша! Кеша!

Тихо.

Ростик добежал до угла. Ростик вернулся.

— Кеша! Кеша! Кеша!

Где же он? Ушёл со стадом? Зачем? Забежал в какой-нибудь двор? Почему он не возвращается?

Скрипнула калитка. Кеша? Нет, не Кеша.

Из калитки выглянула старая-престарая бабушка.

— Иван! Ванюшка!.. Сынок, ты Ванюшки не видал?

— Нет,— сказал Ростик.— А Кеша к вам не заходил? — спросил он с надеждой.

— Какой? Шуранин, что ль? Так он не Кеша, он Паша.

— Я Пашу не знаю. Кеша — собака.

— И точно, он как собака,— сказала бабушка, видимо за что-то сердясь на Шураниного Пашку.— Сынок, иди посо-

би-ка мне! Подержи бидончик, керосину нальём. Руки-то у меня дрожат. Ванюшку кликала — нейдёт Ванюшка.

Поглядев через плечо, не появился ли Кеша, Ростик вошёл вслед за бабушкой во двор. На крыльце стоял керогаз. Рядом бидон с керосином. Бабушка сняла приделанный к керогазу жестяной бочонок, отвинтила крышку:

— Вот налей-ка, руки у меня что-то дрожать стали. Корову-то ещё доить могу, а вот налить — расплёскиваю.

Ростик поднял бидон. Он был полный, тяжёлый. Ростик даже слегка покачнулся. В жестяной бочонок полилась широкая керосиновая струя. Немного плеснулось Ростик в сандалик.

— Спасибо, сынок, — сказала бабушка, завинчивая крышку. — Молочка хочешь?

Ростик поспешно отказался и выбежал за калитку. А вдруг Кеша его там ждёт? Но нет. Нет! Нет! Что же будет? Кеша без Ростика не сможет поговорить со своим Глебом.

А Ростик сам? Он, во-первых, не знает дороги обратно на пристань. А во-вторых, во-вторых... Как же он так вот просто потерял Кешу, и не поможет ему, и не узнает о нём ничего, и вообще как же он без Кеши?.. Ростик всхлипнул.

— Ты чего тут делаешь, эй? — Это к Ростикку подошёл босой мальчик. Был он какой-то очень уверенный в себе. — Ты чей дачник?

— Я ничей.

— Не дачник?

— Нет.

— А как звать?

— Ростик.

— Ростислав, значит. А я — Иван.

Мальчик протянул Ростикку руку.

— Рукопожатие — древний обычай, — сказал он таким голосом, каким обычно говорит диктор по радио. — В древние времена племенные вожди протягивали друг другу правую руку, чтоб показать, что у них нет оружия... А когда День геолога, знаешь?

Ростик мотнул головой: нет.

— Эх, ты! Четвёртого апреля. А знаешь, какие планеты видно в апреле?

— Нет.

— Сатурн. Чего смеяться-то?

Ростик вздохнул. Он вовсе и не думал смеяться.

— А ты чего такой?

— Какой?

— Вроде собрался реветь?

— У меня собака пропала.

— Овчарка?

— Нет. Кеша.

— Кешей звать? Он борзая? Борзые могут бежать со скоростью сто километров в час.

— Нет, не борзая. Умная очень собака.

— Они все умные. Собаки сражаются на войне.

— Как — на войне?

— Во время Великой Отечественной войны специально обученные собаки с привязанными к спинам минами бросались под фашистские танки и взрывали их.

Иван выпалил всё это одним духом, глядя не на Ростика, а куда-то вверх, в небо, точно он не просто говорил, а читал.

Потом он посмотрел на Ростика и увидел, что ему не удалось утешить собеседника.

— Ну погоди, что-нибудь придумаем.

Иван стал думать. Он чудно вытаращил глаза и вытянул губы трубочкой.

— Вот что. Пошли к дедушке Колдырю.

— К кому?

— Ну, дедушка такой.

— Твой?

— Нет. Вообще. Общий. Фома Никитич. А прозвище — Колдырь.

— Что это значит?

— Ну, знаешь, на берёзе бывает такой крепкий нарост. Называется кап. А ещё по-деревенски — колдырь. Его топором не отрубишь. Пилить — и то трудно.

— А дедушку почему так зовут?

— Крепок потому что. И правильный человек. Все так говорят. Он придумает, где твою собаку искать. Пошли!

— А далеко идти?

— За Светлую рощу, на смолокурню... Ба! — крикнул Иван в калитку. — Ба, я на смолокурню пошёл!

— Ванюшка, иди хоть поешь. Я оладушков напекла! Ростик проглотил слюну.

— Пошли, Ростислав! — скомандовал Иван.

Ростик тронулся вслед за Иваном. Повернули за угол, откуда недавно так неожиданно появилось стадо.

«Может быть, и правда этот дедушка Колдырь сумеет разыскать Кешу? — думал Ростик. — Наверно, сумеет, раз Иван так о нём говорит».

У него немножко посветлело на душе и появилась надежда.

Улица оказалась очень длинной. Ростик с любопытством глядел по сторонам. Очень интересно идти по посёлку. Дома все разные. Вот маленький — брёвна серые, окошки у него крошечные. А вот большой — брёвен не видно, он обшит сверху досками. Доски выкрашены коричневым, а наличники у окон белые. Нарядный дом. У всех домов подряд — и у больших и у маленьких — высоченные телевизионные антенны были не на крышах, а на длинных-предлинных шестах, вкопанных прямо в землю, рядом с крыльцом. Боком к улице, не огороженный забором, стоял маленький сарай-

чик. На нём была укреплена большая выцветшая вывеска: «Грибоварочный пункт». Для убедительности на ней были изображены две лисички, два гриба неизвестного Ростик названия и плёточка клюквы. На дверях сарайчика висел огромный замок, а рядом с сарайчиком валялось несколько разохшихся бочек. Грибной сезон ещё не начался. Возле сарайчика на земле что-то сосредоточенно клевала стайка скворцов. Когда Иван и Ростик прошли мимо, скворцы все разом улетели.

Ростик опять забеспокоился о Кеше.

— А дедушка не рассердится? — спросил он Ивана.

— С чего бы это? За что?

— Ну что мы пришли.

— Никогда он не сердится без дела. Дедушка Колдырь — он добрый.

— А Кешу он найдёт?

— Сказал тебе, дедушка Колдырь что-нибудь придумает.

Улица кончилась. Дорога взяла влево и миновала большой пустой сарай, перед которым валялась какая-то странная вещь: два колеса, а к ним приделаны железные рёбра — точно рентгеновский снимок грудной клетки, как Ростик делали перед отправкой на дачу.

— Это копнитель, — сказал Иван. — На покосе сенокосилка работает, а с ней копнитель, вот этот вот. Только в этом году ещё не косили — рано ещё, травы ещё соку не набрали. У нас луга пойменные. На пойменных лугах преобладают многолетние злаки: овсяница, тимофеевка.

Иван опять говорил, как диктор.

— А ты откуда всё знаешь? В школе, что ли, проходят? — спросил Ростик.

— Не. В школе проходят родную речь. А я численники читаю.

— Что? Книжки такие?

— Численники. Ну, календари. Там про всё есть. Я уже за два года прочёл. Теперь ещё за тот год прочту. И за этот. Всё буду знать.

Ростик подумал, что Иван — человек стоящий.

Вскоре дорога пошла под горку и с разбегу влетела в сосновый лес. Роща была в самом деле светлая. Сосны росли не очень часто, не мешали друг другу. Солнечные лучи ныряли в мягкий мох и точно подсвечивали его изнутри.

Оранжевые стволы сосен то ярко вспыхивали под солнцем, то гасли. Небо просвечивало сквозь сосновые ветки, которые всё время чуть покачивались, чуть шевелились, то пропуская свет, то задерживая его. Всё время слышался ровный шум, и этот шум успокаивал Ростика, ему казалось, будто сосны говорят: «Найдёшь Кешу, Кешу найдёшь». Потом сосны немного отодвинулись от дороги, и образовался прогал. Дорога устремилась в этот прогал и вывела ребят на опушку. Земля на опушке была чёрная, трава — чёрная, солнце отражалось в чёрных жирных лужах.

— Вот и смолокурня, — сказал Иван. — Сегодня не курят.

Ростик увидел две огромные печи не печи — не поймёшь. Эти вроде бы печи были круглые, сложены из кирпича и обмазаны глиной. На каждой печи было по трубе, похожей на ту, что бывает на крыше. Между печами была вделана деревянная избушка — слепая, без окон. На крыше у неё тоже торчала труба, только не кирпичная, а железная. Возле домика лежали в смоляной луже три железные бочки. Рядом был вкопан дощатый щит на ножках, такой, как в городе бывают доски объявлений. Он был покрашен красным, а вместо объявлений на нём висел топор, тоже красный, и красное же ведро.

Вокруг смолокурни были навалены горы сухих выкорчеванных пней. Ещё одна гора из пней была нагружена на прицеп. Его только что притащил сюда трактор. Трактор что-то невнятно бормотал, пытаюсь развернуться.

На отшибе стоял домик. Возле него небольшой участок был огорожен частоколом. На частоколе висели-сушились пучки каких-то жёлтых цветов.

— Бессмертник песчаный, — сказал Иван.

— А где же дедушка? — спросил Ростик испуганно.

— Найдём... Дедушка Колдырь! — закричал он изо всех сил.

— Здесь, кто меня?

— Он, должно, на огороде, — догадался Иван.

Скрипнула калитка. Показался дедушка Колдырь. Да это же старичок с парома! Только в чёрных старых, залатанных брюках.

— Ты что, Ванюш? А, и ты тут, чурачок? И собака-пёс с тобой?

— Нет, — ответил за Ростика Иван. — Дедушка, собака у

него куда-то пропала. Может, кто привязал? А то бы она его по следам нашла. У собак нюх острее человека в двенадцать тысяч раз!

— Должна бы найти, — подтвердил дедушка. Он подошёл к огорчённому Ростикку и положил ему руку на плечо. — Никак, керосином? — понюхал он воздух.

— Я бабушке помогал наливать, — сказал Ростик.

— Да на себя плеснул?

— Только немного в сандалик попало. Ничего, уже высохло.

— Эх, ты, да ты керосином свой запах отбил. Как же она, собака-пёс, по следу найдёт? Не может она тебя найти.

Ростик приготовился заплакать.

Глава IV

КЕША БЕЗ РОСТИКА

Когда Кешины влажные ноздри ожёг едкий запах коровьего стада, он отскочил к забору, но не к тому, где стояла лавочка, а на противоположную сторону. Стадо заполнило улицу. Оно разделило Кешу с Ростиком и двигалось непрерывным грозным потоком. Одна корова, рыжая, опустила голову и мотнула ею в Кешину сторону. Кеша двинулся вдоль забора. Копыта топали по пыли, пыль лезла в нос и в глаза. Пока ещё невидимый и непахнувший, щёлкал кнутом пастух. Острое коровье копыто бухнуло где-то рядом с Кешей. Кеша увернулся. Бежать было некуда — стадо текло, заполнив всю улицу. Кеша вжался в забор. Забор вдруг подался, и Кеша провалился внутрь. Куда это? Ах, вот что! Это отворилась калитка. Открылась и закрылась за ним. Кеша постоял молча. Калитка не открывалась. Кеша тихонько царапнул её лапой. Калитка не шелохнулась.

— Откройся, — попросил он.

Калитка и не подумала.

— Ростик! — позвал Кеша.

Но Ростик стоял на лавочке по другую сторону стада и не мог его услышать.

— Собачка! — сказал вдруг чей-то густой, точно шмелиный голос. — Иди сюда, собачка.

Кеша оглянулся. Девочка спрыгнула с гамака, который висел на столбах в глубине двора, и подошла к Кеше.

— Калитка не открывается,— сказал он.— Выпусти меня, пожалуйста.— Он легонько вильнул хвостом.

— Ты хорошая собачка,— продолжала девочка своим смешным басом.— Ты будешь у меня жить.

— Извини,— сказал Кеша,— но я не могу. Меня ждут. Выпусти меня.

— Ну что ты лаешь? Я тебе бантик повяжу, хочешь?

— Выпусти! Выпусти!

— Ты лайка? Что ты всё лаешь? А, понимаю, ты голодная.

«Не понимаешь,— подумал Кеша.— Вот Глеб понимает. Ростик понимает. А ты — нет».

— Идём, идём!

Кеша поплёлся за девочкой в дом. Он слышал, что на улице топот стих, перестало пахнуть молоком и коровьей шерстью. На крыльце он сделал ещё одну попытку:

— Ростик!

Но Ростик в это время налил бабушке керосин.

Что же делать, что делать?! Есть, конечно, выход — уку-
сить. Чтоб закричала, заплакала и выгнала его эта девочка.
Но Кеша не мог. Он не сумел бы объяснить почему. Он не
знал просто, что врождённое благородство не позволяет со-
баке обидеть ребёнка.

Девочка привела Кешу на кухню. Там на столе стояла
сковородка и чем-то аппетитно пахло.

— Вот,— сказала девочка.— Ешь котлеты. Тётя Нора на-
жарила. А я их не люблю.

Она подняла крышку, ткнула вилкой в котлету и стрях-
нула её на пол. Кеша съел. Он был очень голоден. Может
быть, и не надо бы есть в этом доме, где он всё равно не мог
остаться. Может, и не надо бы. Но съел. И даже лизнул
половицу, где только что была котлета.

— Ариадна!

Хлопнула дверь, и на кухню вошла пожилая женщина
в короткой юбке, в тенниске и в кедах на шерстяной носок.

— Ариадна, откуда на кухне собака?

— Тётя Нора, она будет у нас жить.

— Нет. Этого не будет.

— Тётя Нора, мне скучно. Мне не с кем играть. С Иваном
ты не разрешила. Я буду играть с собачкой.

— Вздор. Иван тебе не общество, а от собаки ты получишь
инфекцию. Играть мы будем в теннис.

— Я не хочу в теннис!

— Теннис продлил мне молодость и сделал содержатель-
ной жизнь. Теннис — очаровательный вид спорта.

Кеша не знал, что такое теннис, но ни о чём не спросил.

— Ариадна, бери ракетку, мы идём на корт!

— Ну, тётя Нора, это же не корт, это просто поляна возле
пруда на задах.

— Фи, какие ты говоришь слова!

— Все так говорят. Там огороды, а за ними огородные
зады. За забором. У пруда.

— Перестань болтать! Бери ракетку. Я обещала твоим
родителям сделать из тебя человека.

— А я кто?

— Всякий человек должен уметь играть в теннис.

— Тётя Нора, а собачка останется дома? — спросила де-
вочка с надеждой.

— Ариадна, не ерунди!

— Тётя Нора, ну разреши... Её будут звать Пират. Нет, Джек. Нет, Рекс. Рекс, Рекс, поди сюда!

Тётя Нора взяла две теннисные ракетки — маленькую и побольше — и двинулась к калитке. Калитка послушалась её и открылась.

Кеша выскочил первым и тут же позвал:

— Ростик!

Нет, Ростика нигде не было. Кеша перебежал улицу. Ростика нет. Лавочка пахнет Ростиком. Кеша кинулся обнюхивать дорогу. Слабый коровий запах, чей-то чужой запах... Керосин! Опять керосин! Кеша чихнул.

Ариадна оглянулась:

— Рекс, Рекс, идём с нами!

Кеша немного проводил девочку и тётю. Из вежливости. Потом незаметно отстал и побежал обратно. Где-то здесь должен быть Ростик. Опять та же лавочка. Пахнет Ростиком. Куда потом девался Ростик? Куда пошёл? Никаких следов ни у забора, ни у другого забора, ни посреди дороги — нигде! Что же будет с Ростиком? Он заблудится. Кеша сам его сюда привёл, Ростик ведь не знает обратной дороги! И с ним хорошо. Ростик — настоящий друг. Он добрый. Ростик — он ведь всё понимает... Нет, нет нигде его следов! Как же быть, как теперь быть?

— Ты чего, ласковый, потерялся, а?

Посреди улицы стоял человек. Очень высокий. Синеглазый. Улыбался. Кеша не испугался его, подошёл.

Человек присел перед Кешей на корточки прямо на пыльной дороге.

Это был лейтенант Грошев. Лейтенант милиции Грошев.

Глава V

ТРЕВОЖНО

Воспитательница Мария Васильевна была расстроена. Подумать только! Второй день на даче — и вдруг пожалуйста: один уже в изоляторе. Она медленно поднялась на крылечко, держа на развёрнутых ладонях полную тарелку супу, и позвала:

— Ростик!

Ответа не последовало.

— Харитонов! — крикнула она, уже немного сердясь. — Отвори мне дверь, у меня руки заняты!

Молчание.

Мария Васильевна пристроила тарелку на перила и дёрнула ручку.

В изоляторе было тихо.

Ветер отдувал в окне марлевою занавеску, на подушке отдыхал солнечный зайчик.

Берёза молчала. Очевидно, она решила ни во что не вмешиваться.

— Ростислав!

Тихо, тихо, тихо.

Забыв про тарелку с супом, Мария Васильевна спустилась с крылечка и обошла изоляторный домик.

Мальчика нигде не было.

— А-а, наверно, Елизавета Елизаровна увела его в кабинет и осматривает.

Мария Васильевна двинулась в сторону врачебного кабинета, но не дошла. Елизавета Елизаровна шла навстречу.

— Ну что? Туссис? Я хочу сказать — кашель?

— Елизавета Елизаровна, Харитонов у вас?

— Я иду в изолятор посмотреть его, я ведь и спрашиваю — кашляет?

— Его нет.

— Кашля нет?

— Да Харитонова нет!

— Что вы говорите, Мария Васильевна, как можно, чтобы инфицированный ребёнок не находился в изоляторе? Правда, может быть, это и не пертуссис, но всё-таки его нельзя пускать в группу, опомнитесь!

— Его нет в группе, ребята обедают.

— Я вас не понимаю, Мария Васильевна, уж извините великодушно...

* * *

— Ребята, кто видел Ростика?

— Я его вчера видел, а потом ведь его в изолятор изолировали?

- Мария Васильевна, а я видел лягушку, а Павлик говорит, что это жаба. А это не жаба, у неё пупырышков нет!
- Я спрашиваю: Харитонов не приходил сюда?
- Нет.
- Нет.
- Не приходил.
- А ночью филин прилетает. Если не спишь.
- Павлик, это моя ложка, отдай!
- Ну, быстро, чтобы всё съели, и умываться!

* * *

- Уже три часа. А вдруг он заблудился?
- Елизавета Елизаровна, ну где тут можно заблудиться! Три сосны да три берёзы, да луг до самой реки — всё видно... Паршивец!
- Боже мой, как же я забыла про реку! А вдруг он упадёт в воду?!
- Пойдёмте сходим к реке. Там паром, люди, спросим... Вот паршивец!
- Я с ума сойду!

* * *

- Вы давно здесь?
- Давно, дамочки, давно. Некому ездить — в поле работают. Работа есть работа.
- А мальчика не видели тут?
- Рыбу ловил тут какой-то.
- Да нет, маленького, шесть лет.
- А кто его знает!
- Ну, а... скажите, умоляю вас... тут... никто... не утонул?
- Как же, утонул.
- Что?
- Когда?
- Да вот когда я ещё пацаном был, в тридцать восьмом году, что ли... Мужик один утопился, вроде как тронутый.
- Зачем же вы так испугали нас?

* * *

- Алло!
- Дежурный слушает.
- Это пореченская милиция?
- Да.
- У нас пропал ребёнок.
- Что?
- Ребёнок.
- Какой ребёнок? Откуда вы звоните?
- Это детский сад льнокомбината.

- Попрошу подробнее. В котором часу? Приметы?
- А он не... Мы боимся, что утонул.

— Нет, сегодня несчастных случаев на воде не зарегистрировано. Так, я вас слушаю.

— Мария Васильевна, вы. Говорите вы, я не могу, я с ума сойду!..

* * *

— Ну, что они сказали?

— Сказали, будут искать, позвонят... Вот паршивец!

— Кто? Милиционер?

— Да при чём здесь милиционер! Милиционер очень вежливый.

— Кого же вы ругаете?

— Харитонову ругаю. И оставила-то всего на один час. Не разорваться же мне! Дуся обещала присмотреть. Она и заходила к нему. А потом обедом занялась. Запереть надо было его!

— Мария Васильевна, а что, если...

— Что?

— Что, если он вздумал домой?

— Да с чего бы это? Парень с трёх лет в саду. Никогда ему ничего такого в голову не приходило.

— Может быть, позвоним родителям?

— Так они же на работе.

— На льнокомбинат позвоним.

— Да зачем это? Мать тревогу поднимет. А он, может, сейчас явится.

— Вы думаете? Вы думаете?

— Я пойду погляжу ребят. Вроде спят все. И в изолятор ещё схожу.

* * *

— Это кто там не спит? Павлик?

— Мария Васильевна, а Ростик нашёлся?

— Он и не терялся. Спи, Павлик.

— Мария Васильевна, а где он?

— В изоляторе. Спи.

— А его скоро в группу переведут?

— Не мешай ребятам, Павлик, спи.

— Сплю.

ЛЕЙТЕНАНТ ГРОШЕВ

— Ну что, ласковый, хозяина потерял?

Лейтенант Грошев погладил Кешу по голове.

— Я смотрю, что ты всё от забора к забору бегаешь. Ищешь кого?

Кеша поглядел на него недоверчиво и побоялся ответить: поймёт или не поймёт, неизвестно ещё.

— Ты здоров? Нос прохладный. Значит, здоров. Вроде бы ты расстроен чем-то, а? Зовут-то тебя как?

— Кеша,— решил ответить Кеша.

— Кеша? Хорошо тебя назвали.

Кеша поднял глаза на лейтенанта Грошева.

Потом Кешин хвост качнулся и быстро-быстро замелькал в воздухе. И наконец весь Кеша — от хвоста до кончика чёрного влажного носа — наполнился радостью. Понимает! Кешины слова не кажутся ему пустым, бессмысленным лаем.

— А я в милиции работаю. Я — лейтенант Грошев,— назвал себя Кешин собеседник.— А ты где живёшь?

Ну где может жить бездомная собака, которая то и дело переходит от надежды к отчаянию? И Кеша, испытывая полное доверие к лейтенанту Грошеву, как, например, к Глебу или к Ростикку, рассказал ему свою короткую собачью жизнь.

— Потерялся, говоришь?

— Потерялся,— подтвердил Кеша.— Надо его найти. Он без меня обязательно заблудится. Ростик — он дороги сам не знает.

— Да...— задумался лейтенант.— Ну, вот что, ласковый, тут я с одним заявлением разберусь, мой этот участок теперь, понимаешь? Словом, работу кончим, тогда и приятеля твоего поищем. Может, к дедушке Колдырю сходить? У него вечно ребятня толкается, точно там не смолокурня, а пасека.

Кеша не успел спросить, что это — смолокурня или пасека. Откуда-то издалека раздался крик, слов нельзя было разобрать, но было ясно, что это крик какой-то неприятный.

* * *

Лейтенант Грошев и Кеша пошли на голос. Быстро прошли узким проулочком между двумя заборами и оказались у маленького круглого пруда. На пруду, недалеко от берега, плавали гуси. Они держались стайками. Время от времени

заводили разговор ржавыми голосами. На берегу тётя Нора и Ариадна ракетками кидали друг другу теннисный мячик. А кричала та самая тётка с парома, которая назвала Кешу самым ненавистным ему словом Развелитутсобак. У тётки Норы было каменное лицо, у Ариадны — испуганное. Теннисный мячик говорил: «Пок-пок-пок».

— Что случилось? — спросил лейтенант Грошев. — Вроде по радио хорошую погоду обещали, а тут гром гремит.

— Вот, товарищ милиционер, полюбуйтесь. Я тут птицу пасу, а они на выпасе который день мяч гоняют. Гусю от этого вред.

— Ну? Гуси спортом, стало быть, не увлекаются?

— Да какой тут спорт? — не поняла его тётка. — Штраф надо наложить, и всё тут. Я уж и заявленьице написала.

— Прочёл с интересом, — сказал лейтенант Грошев.

— Вы, значит, наш участковый будете?

— Да уж и есть с сегодняшнего дня.

— Вот и ладно. Значит, я там всё описала. Непорядок, чтоб гусей пугать.

— Это и есть перепуганные гуси? — кивнул лейтенант Грошев в сторону пруда.

— Мои, как же, мои это гуси.

— Да вроде у них настроение бодрое, а?

— Чегой-то? — не расслышала тётка.

Тётя Нора, пока лейтенант Грошев говорил, стояла неподвижно, как статуя в парке, и глядела куда-то вдаль, поверх гусиных голов.

Ариадна сначала испугалась, увидев милиционера, потом, почувствовав, что бояться нечего, подняла голову.

— Рекс, Рекс, тётя Нора, это же наш Рекс! — загудела басом Ариадна. Она кинулась к Кеше.

Кеша попятился, вспомнив о несговорчивой калитке, попытался спрятаться за ногу лейтенанта Грошева. Вид собаки вызвал у тётки новый прилив красноречия.

— Видите, видите, товарищ милиционер! Собак водят. Собака тоже может гуся угрызть. Штраховать, одно слово!

— Кого штрафовать, собак, что ли?

Тётка на мгновение оторопела, но, поняв, что лейтенант Грошев шутит, сама захихикала.

Потом, боясь, чтобы её не перебили, стала быстро-быстро говорить:

— Я в город молоко вожу. Мне одна женщина, учёная очень даже, сказала: от собак деревьям извод, сохнут они, значит...

— Что же они, собаки, керосином, что ли, заряжены? — перебил её лейтенант. — Всё дело-то яйца выеденного не стоит, нашли о чём заявление писать. Ну люди, ну гуси, ну собаки... В мире надо жить, вот что!

— А штрафовать? — спросила тётка.

— Да некого и не за что, — спокойно ответил ей лейтенант Грошев.

Он козырнул сначала тётке с парома, потом тёте Норе и быстро пошёл прочь.

Кеша кинулся за ним.

— Ты чего это, ласковый? Рексом тебя зовут?

— Да нет. Я же рассказывал. Это там, где калитка.

— А-а, ну-ну, — сказал Грошев, думая о чём-то своём. А потом сказал, видимо что-то додумывая, вслух: — Грамотные. Пишут. Руки грамотные, а души тёмные. — И обращаясь к Кеше: — Ну вот и пришли!

Домик милиции был маленький, в четыре окна, обшит досками и покрашен синей краской.

Палисадника у домика не было, а прямо возле крыльца

цвёл куст сирени и росла мальва — вытянулась уже, но ещё не цвела, раскачивала на ветру длинные стебли с бутонами.

— Это наше отделение, — сказал лейтенант Грошев.

На вывеске было написано: «Пореченское отделение милиции».

— Погоди на крылечке, я сейчас, ласковый, и пойдём тогда.

— А они меня не прогонят?

— Кто «они»? Тут народ хороший. Никого не бойся.

Кеша сел.

Лейтенант Грошев зашёл в синий домик и очень быстро вышел.

Кеша тут же поднялся ему навстречу.

— Вот дела-то какие. Ещё поработать надо. Какой-то пацан Харитонов пропал. Убежал из детского сада. Харитонов. А как звать, неизвестно. Дежурный не понял. Два раза, говорит, переспросил. Отвечают: «Хвостик». А какое же это имя для пацана — «Хвостик»? Ну, ласковый, пойдём искать. Поможешь мне, ладно? А потом уж и твоего приятеля разыщем.

Глава VII

ПРЕСТУПНИКИ В БУЗИНЕ

— Ты погоди, цыплачок, — утешал дедушка Колдырь. — Ну не плачь, не плачь, я это так сказал. Сейчас уладим... Иди-ка сюда.

Дедушка повёл Ростика за дом. За домом были грядки. Над молодыми ещё огуречными плетями, покачиваясь, расцветали маки.

К стволу высокой и голой, одной-единственной на огороде, сосны был прибит рукомойник. Кусок серого хозяйственного мыла лежал на блюдечке прямо на земле.

— Мой ноги-то, — сказал дедушка и большим пальцем правой руки нажал носик рукомойника.

Из рукомойника потекла тёплая, нагретая на солнце вода. Ростик сбросил сандалии.

— Ну вот, то и сё, вроде керосин отбили.

— А всё-таки как собака-то, дедушка, а? — спросил Иван.

— Собака-пёс? Искать будем. Только тебя-то вот, цып-лачок, как бы маманя искать не стала.

— А мама в городе, на работе. Она на льнокомбинате работает.

— Ну, стало быть, не угадал. Бабаня, стало быть.

— Нет, бабушка далеко живёт, в Пензе.

— С кем же ты живёшь?

— С детским садом.

— С кем, с кем?

— Ну, на той стороне, — вмешался Иван. — За переправой. Сад. Льнокомбинатский.

— А-а, то-то я тебя на пароме видел. С собакой-псом. Погоди, так тебя там хватились небось, в саду-то!

Ростик опустил голову.

— Я не знаю, что делать, — честно признался он.

Ростику пришлось рассказать дедушке Колдырю всю историю с самого начала.

— Глеб, говоришь? — переспросил дедушка. — У кого же это внучонок Глеб?

— А есть ещё Кирилл и Мефодий, — некстати вылез со своей учёностью Иван. — Они азбуку сочинили... Чего смеяться-то! Буквы изобрели.

— Да это, никак, Митрия Глебыча, — продолжал размышлять дедушка. — У них всегда в роду Глебы. Да, Митрий Глебыч — он как можжевёловый корень, карактерный... Вот чего, чурачки. Людей так нельзя тревожить. Ты, Ванюша, давай на паром да мальчика в его детский сад проводи. А то они там измытарются, чай, уже заискались.

— А как же Кеша? — приуныл Ростик.

— Да схожу к Митрию Глебычу, погляжу. Может, он, собака-пёс, туда сам придёт.

— Кеша умный, — сказал Ростик.

— Ясно, умный, — подтвердил дедушка. — Ну, в добрый час, цыплачки. Ванюшка, ты потом зайди, я тебе камеру-то залепил. Сохнет.

Иван и Ростик пошли обратно к посёлку.

Некоторое время шли молча. Солнце зашло за облако. В роще было уже не так светло. И на душе у Ростика тоже было мрачно.

— Ростислав, слышь, на минутку домой зайдём, есть охота. Бабушка оладьев напекла.

Вот и лавочка. Вот и калитка. Иван нырнул во двор. Ростик остался ждать. Сколько собачьих следов на дороге! А вдруг Кешины? Нет, наверно, не Кешины. Мало ли собак ходит по дорогам!

Из калитки выглянул Иван. Выражение лица у него было хитрое. Он подмигнул Ростику и скрылся. А через секунду калитка не просто открылась, а как-то с грохотом отпрыгнула. Иван стремительно выкатил со двора мопед.

— Видал?! — кричал Иван в полном ликовании. — Видал?! Федька мопед запереть забыл. Айда, сейчас до парома доедем!

— А разве тебе разрешат?

— А кто спросится-то? Ведь он его не запер!

Мопед слепил глаза никелем. Сзади за седлом был голубой багажник.

Иван скомандовал:

— Садись на багажник. Сейчас до парома доедем.

Ростик влез на багажник, сел. Иван взгромоздился в седло, нажал на педали. Мотор не завёлся. Ивана это не смутило.

— Слезай! С горы поедem, он с горы заведётся.

Иван почти бегом повёл мопед за красные резиновые ручки. Ростик поплёлся за ним, последний раз с тоской оглянувшись на собачьи следы. Кешины? Или не Кешины? Может, дурак, что не подождал на лавочке? Может, Кеша приходил?

Иван выкатил мопед на дорогу. Она спускалась вниз крутым скатом и соединялась с большой дорогой, по которой Ростик и Кеша утром поднялись от берега к посёлку. Там торчал уже знакомый Ростику осокорь, и бузиновые кусты тоже были на месте. Паромный причал был скрыт за поворотом, зато виднелся тот берег, поросший соснами, и стайка белых уток у того берега, и чья-то лодка возле травы.

«Как далеко отсюда видно», — подумал Ростик.

Солнце опять выглянуло из-за облака. Высоко в небе, неслышный с земли, казалось, медленно плыл-уплывал маленький блестящий самолёт. Запел жаворонок. Ростик искал глазами, где он поёт, но не нашёл. Возле дороги росла серебристая полынь. Ростик сорвал листок, растёр пальцами, понюхал. Мама всегда так делает.

— Вроде бы дорога не очень крутая, — сказал Иван. — Чего смеяться-то! Я видел, как с неё раскатали «Москвича», а потом он завёлся. А это — мопед. — Он что-то покрутил возле руля, постучал по голубым щиткам, попробовал, крепкие ли спицы, надуты ли шины. Словом, явно подражал старшему брату Фёдору, владельцу нарядного мопеда.

— Ну, садись, Ростислав!

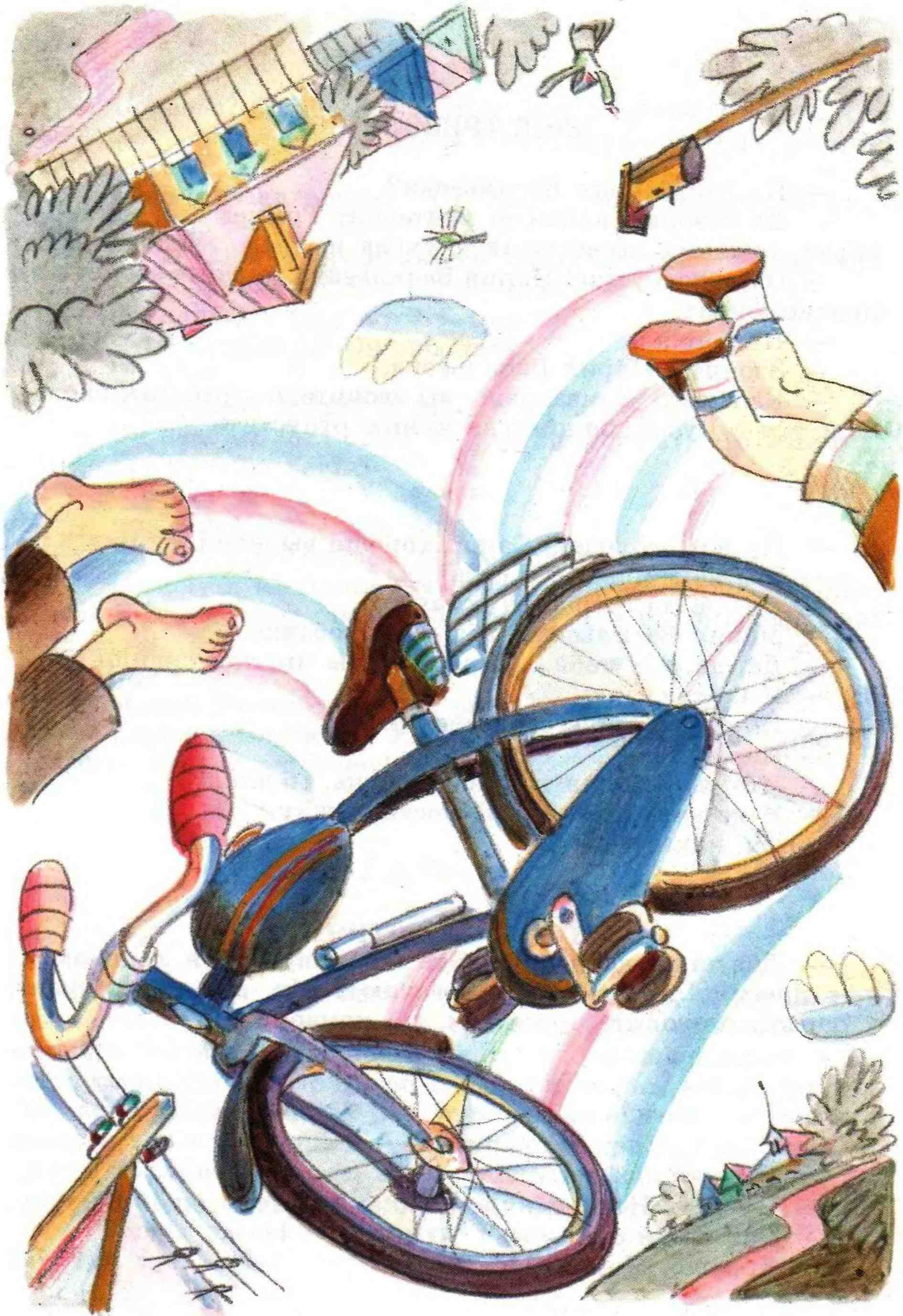
Ростик опять залез на багажник. Иван, переваливаясь с боку на бок — ноги ещё толком не доставали, — стал жать на педали. Мопед двинулся, как самый простой велосипед. Мотор молчал. Но с горы машина поехала быстрее, и скорость её всё увеличивалась на спуске. И вот уже мопед несётся почти сам по себе, нисколько не желая слушаться Ивана. Иван вцепился в руль так, что у него пальцы стали лиловыми. У Ростика во рту противно дрыгает язык. Какие-то камешки подскакивают с дороги, и больно бьют Ростика по ногам, и ударяются о спицы, и спицы неприятно взвизгивают.

Иван напряжённо смотрит на дорогу. А дорога сама как-то странно кидается под колёса. Мопед совсем перестаёт ему подчиняться, он едет вовсе не туда, куда его старается направить Иван. Вот мопед неожиданно свернул с дороги, три раза подпрыгнул на кочках и свалился. Руль свернулся на сторону, и переднее колесо как-то жалко скособочилось. Ростик упал боком. Он ушибся, но не сильно: с багажника всё-таки не так высоко падать. Иван перелетел через руль и расшибся сильнее. На скуле у него краснела ссадина, и руки он ободрал, и колено зашиб. Вид разбитого мопеда здорово его испугал. Он попытался поднять машину, потом опять положил, стал выправлять переднее колесо, но оно не выправлялось. По дороге кто-то спускался к парому. Иван оглянулся. Батюшки мои, милиционер!

— Иди сюда, прячься! — крикнул Иван и ринулся к кустам бузины.

Он дёрнул Ростика за руку и втащил его под кусты. Там не было травы, земля была взрыта дождевыми червями, пахло сыростью, каким-то лекарством и погаными грибами. У Ростика на ноге саднила содранная кожа да ныл слегка локоть левой руки.

Ему опять, как тогда на пристани, показалось, что он заболевает.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕРЕВЬЯ

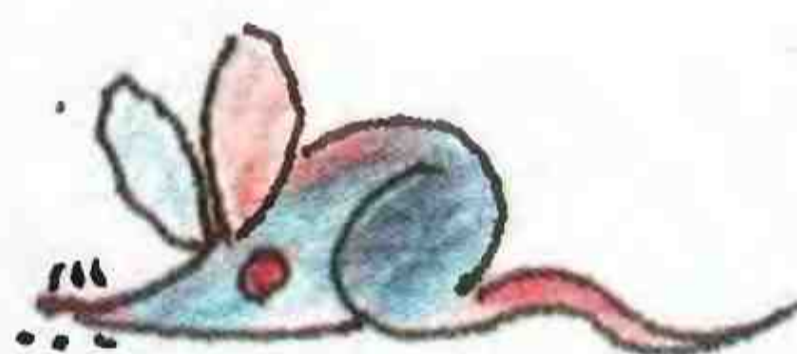
Деревья	6
Разговоры	22
Зёрнышко	36
Где спит рыбка	48
Весело и грустно	60

КУКАРЕКУ

Кукареку	73
Сказка про сазанчика	77
Котята	82
Вечерняя сказка	87

РОСТИК И КЕША	97
---------------	----

АЛЯ, КЛЯКСИЧ И БУКВА «А»	140
--------------------------	-----

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Токмакова Ирина Петровна

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ

Ответственный редактор **Н. А. ТЕРЕХОВА**. Художественные редакторы **О. К. КОНДАКОВА** и **Ю. Н. СТАЛЬСКАЯ**. Технические редакторы **С. Г. МАРКОВИЧ** и **Л. С. СТЕПИНА**.
Корректоры **В. В. БОРИСОВА**, **Т. А. НАРЫШКИНА**

ИБ № 11117

Сдано в набор 19.12.88. Подписано в печать 03.01.90. Формат 60×90/8. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 86,5. Уч.-изд. л. 14,74. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2812. Цена 3 р. 30 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

